

О. Е. ГЛАГОЛЕВА

ЧАСТНЫЕ КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(по материалам Тульской губернии
второй половины XVIII—первой половины XIX в.)

Изучение истории книги, ее распространения среди населения, читательских интересов различных слоев общества, истории формирования частных книжных собраний привлекает внимание все более широкого круга специалистов. Эти проблемы попадают в поле зрения не только книговедов и библиотечных работников, но и литературоведов, психологов, социологов, историков. В работах крупнейших ученых в области книговедения не раз подчеркивалось, что история книги — наука историческая, одна из составных частей истории культуры.¹

Частные книжные собрания являются своеобразным, пока малоизученным историческим источником. Его своеобразие и достоинство заключаются в том, что он позволяет общие рассуждения о проблемах культуры наполнить конкретным содержанием, приблизиться к живому человеку интересующей нас эпохи, проникнуть в его настроения, политические взгляды, мировоззрение, психологию. Выявление читательских интересов, состава личных библиотек, с одной стороны, дает прекрасную характеристику конкретного человека как личности, а с другой стороны, позволяет изучить общественно-политические настроения больших групп населения, различных социальных слоев.

Ввиду того что круг источников по истории культуры русской провинции очень ограничен, выявление любого нового материала крайне ценно. Путем сопоставления состава различных книжных собраний можно определить круг интересов определенных классов той или иной эпохи, выявить направления общественно-политической мысли, степень влияния на русскую культуру исторических событий и идеологии других стран. Сравнивая читательские интересы в от-

¹ Лушков С. П. История книги как комплексная научная дисциплина // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 3—11.

дельных районах России, можно судить о культурном единстве страны. Изучение круга чтения представителей различных социальных слоев позволяет определить уровень образованности, степень проникновения в глубь русского общества передовых идей.

Прекрасным источником являются владельческие записи и пометы на книгах. Они не только говорят о принадлежности данной книги тому или иному лицу, но и характеризуют образованность владельца, часто отражают его отношение к прочитанному, его психологию, дают сведения о книжной торговле, о ценах на книги в отдельных районах страны. (Сравнение цен на книги в разных местностях России также характеризует культурное единство страны и, кроме того, отражает и экономическое единство). Сравнение цен на книги с ценами на другие товары поможет исследователю сделать выводы о покупательной способности различных слоев населения, о месте книги в экономической жизни страны. Владельческие записи часто заключают в себе биографический материал, сообщают нам подробности быта русского человека. Особый интерес представляют владельческие записи, носящие хозяйственный характер. В данном случае такие записи выступают в роли документального источника и могут изучаться совершенно самостоятельно.

Частные книжные собрания не только отражали уровень культуры в обществе, но и являлись фактором, влияющим на его развитие. Вообще роль собирателей личных библиотек, библиофилов в становлении русской культуры пока еще не оценена по существу. Как правильно подчеркивалось в одной из работ последних лет, «библиофилы являлись хранителями культурных ценностей».² Особенно это верно для русской провинции, где эти люди были порой единственными носителями культуры. Их дома часто становились центрами просвещения местного населения. При малочисленности государственных библиотек библиофилы выполняли задачу удовлетворения спроса на книжную продукцию, давая книги для прочтения, даря их, передавая по наследству.

Мы постараемся проиллюстрировать сказанное выше на примере изучения состава личных библиотек и читательских интересов представителей различных социальных слоев Тульской губернии второй половины XVIII—первой половины XIX в. В результате обследования книгохранилища Тульской областной библиотеки им. В. И. Ленина (далее: ТОБЛ) удалось выявить значительное число книг, принадлежавших ранее тульским библиофилам. Основную их массу составляют книги из дворянских библиотек.

Тульские помещики, жившие вблизи второй российской столицы — Москвы, имели больше возможностей приобщиться к передовой культуре, нежели жители других, более отдаленных от центра провинций. Дворяне, постоянно проживавшие в Тульской губернии, нередко выезжали в Москву на длительные сроки, некоторые из них имели там свои дома, проводили в Москве зимнее время. Это

² Равич Л. М. Г. Н. Геннади (1826—1880). М., 1981. С. 107.

обстоятельство несомненно играло положительную роль в формировании духовных запросов дворянского сословия Тульской губернии.

Один из образованнейших людей XVIII в. А. Т. Болотов в своих мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1795» (СПб., 1871—1873) оставил нам достаточно полное изображение тульской действительности второй половины XVIII в. Его записки — богатый источник по истории культуры и, в частности, по истории библиофильства. Ярko, образно характеризует Болотов культурный уровень своих современников. В людях Болотова интересуют прежде всего их духовный мир, степень образованности, начитанность. Поэтому, как правило, характеристики людей, с которыми Болотов общается, несут информацию об их интеллектуальных качествах. По мемуарам четко прослеживается повышение культурного уровня на протяжении второй половины XVIII столетия.

Сам А. Т. Болотов был страстным библиофилом, собравшим обширное книжное собрание из нескольких тысяч томов. Оставив военную службу, он в 1762 г. поселился в своем родовом имении в с. Дворянинове Алексинского уезда Тульской губернии. Жизнь его потекла «в удовольствии совершенном», заполненная общением с «наилучшими друзьями и собеседниками» — книгами. Одного не хватало Болотову — общения с людьми. «. . .хоть много соседей, но истинно не с кем и одного словца разумного промолвить», — так охарактеризовал Болотов культурный уровень соседей-помещиков.³ Типичными представителями провинциального дворянства середины XVIII в. были двоюродные братья Болотова, Михаил и Гавриил Матвеевичи. «Оба они были люди простые, оба неучи, и более об них сказать мне нечего», — с сожалением писал Андрей Тимофеевич.⁴ Другой его родственник, М. Н. Болотов, получил обычное для людей своего круга образование. «Смолоду был он ребенок, подающий о себе великую надежду. Отец его, не жалея труда и убытков, обучил его по-немецки и по-французски. . .». Доучивался М. Н. Болотов в Московском университете, но здесь «имел он случай научиться многому художному, а доброму ничего», вступил затем в гвардию, «сию тогда развратницу молодых людей». Петербургская жизнь приучила молодого человека к безделью и кутежам. «Книги не брал никогда в руки, и все употребленные к обучению его языкам и прочему труды и кошты пропали тщетно, так как пропадают они и в рассуждении многих других, обучавшихся в молодости».⁵

Лишь немногие дворяне отличались от своих невежественных собратьев, читали книги, имели небольшие книжные собрания. Ближним другом А. Т. Болотова стал И. Г. Полонский, отставной полковник, помещик соседней с Дворяниновым д. Зыбинки, человек, «многими знаниями одаренный. . . охотник до книг и до чтения и при всем том очень дружелюбный, ласковый, добросердечный, в обхожде-

³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. . . СПб., 1871. Т. 2. С. 356.

⁴ Там же. 1872. Т. 3. С. 107.

⁵ Там же. С. 129—130, 132.

нии приятный и довольно веселый». «Книг имел он у себя нарочитое собрание, а что всего удивительнее, то великое множество из них, писанных его рукою». Скучность книжного рынка в провинции при- нуждала любителей чтения списывать для себя наиболее полюбив- шиеся произведения. Болотов нашел у Полонского «собрание наи- лучших в тогдашнее время романов, списанных сим образом его ру- кою и переплетенных порядочно».⁶

Просвещенный век Екатерины II имел свои отголоски и в русской провинции. Вслед за императрицей русские дворяне начали читать Вольтера. А. Т. Болотов отмечал увлечение «волтеризмом» довольно многочисленной части дворянства в 70—80-х гг. XVIII в. В имении соседки-генеральши Щербининой он в 1773 г. застал многочисленное собрание поклонников французского просветителя. «Все они случи- лись быть люди ученые или полуученые или такие, которые в состоя- нии были говорить о науках. . . Все они заражены были волтеризмом и Вольфианскою философию. . .».⁷ «Пагубные последствия» этого увлечения были особенно видны на примере сына Щербининой, Анд- рея Евдокимовича, который «впал в глубокую ипохондрию по ми- лости французских учителей и воспитателей». Путем критики уче- ния французских просветителей и пропаганды сочинений реакцион- ного немецкого философа и богослова Х. А. Крузиуса Болотову легко удалось переубедить большую часть провинциальных поклонников Вольтера, Гельвеция и «других подобных сим извергов и развратите- лей человеческого рода»,⁸ для которых это увлечение являлось свое- образной модой. Большинство из них легко отказывалось от учения своих кумиров и вновь возвращалось в лоно благопристойной реак- ционности.

Реформы правительства Екатерины II 1770—1780-х гг. привели к оживлению культурной жизни в провинции. Зарождалась книго- торговля, повышался интерес к книге у различных слоев общества. Чтение стало обычным времяпрепровождением для русского дворян- ства. Как писал один малоизвестный писатель конца XVIII в., «до- вольно, что публика узнала вкус в чтении, — истина сия из того яв- ствует, что все от великого до малого стараются завести библиотеки и ученые кабинеты или по крайней мере определяют для оных место».⁹ Те же явления наблюдались и в Тульской губернии. А. Т. Болотов писал: «Состояние, в каком находились у нас около сего времени науки, было несравненно лучше, нежели лет за двад- цать до сего времени. . . Как мало до сего было у нас в России биб-

⁶ Там же. Т. 2. С. 604—605.

⁷ Имеются, вероятно, в виду сочинения Христиана Вольфа (1679—1754), в частности переведенные на русский язык его «Разумные мысли о силах че- ловеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. . .» (СПб., 1765. 320 с.). Х. Вольф был также известен своими сочинениями для юношества по математике и физике.

⁸ Болотов А. Т. Жизнь и приключения . . . Т. 3. С. 927.

⁹ Безарайский В. С. Любодев к словохоту : Из сборника «Анекдоты древ- них поехонцев» (СПб., 1798) // Очарованные книгой / Сост. А. В. Блюм. М., 1982. С. 30.

лиотек, так много проявилось их вдруг во всех партикулярных домах.¹⁰

Род Ртищевых, сыгравший в истории России немаловажную роль, имел свою ветвь в Тульской губернии. Крупные помещики Ртищевы были людьми образованными, любили и собирали книги. Сохранилось несколько книг из их семейной библиотеки. Эти книги были переданы в Тульскую губернскую библиотеку в 1857 г. А. П. Ртищевым. Приветствуя открытие библиотеки и желая содействовать просвещению сограждан, А. П. Ртищев передал в дар библиотеке 183 книги.¹¹ Среди них были следующие: «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. . .» (М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1787. Ч. 2. // Тульский областной краеведческий музей (далее: ТОКМ), 2403), принадлежавшая его родственнику Ивану Ртищеву; «Политическое завещание кардинала дюка де Ришелье французскому королю» (М.: Тип. Моск. у-та, 1766. Ч. 1. // ТОБЛ, 2898), купленное Николаем Ртищевым в 1774 г. за 1 р. 50 к.; «Дух или избранные сочинения Г. Вольтера» (Смоленск, 1803 // ТОБЛ, 2705), принадлежавшие дяде А. П. Ртищеву, Алексею Михайловичу; «Полидор, сын Кадма и Гармонии» М. М. Хераскова (М., 1794. Ч. 2 // ТОБЛ, 2843), содержащее резкую критику Французской революции, из собрания основателя библиотеки Ртищевых — Михаила Никитича. Его сын П. М. Ртищев продолжил пополнение фамильного собрания. Из его книг сохранились «История аглинская» Рапена де Туара (СПб., 1786. Ч. 1, кн. 1 // ТОБЛ, 2926), купленная им в Петербурге в 1830 г. за 3 р. 20 к., и «Успокоение чувствительного человека, или Собрание сочинений Ф. Арно» (М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1789. Ч. 2 // ТОБЛ, 3225), купленное им в Москве за 2 р. 30 к. Особый интерес из книг П. М. Ртищева представляет сочинение аббата Проярта «О революции Французской, о бывших и могущих впредь быть от нее следствиях» (М., 1804 // ТОБЛ, 2848), приобретенное им в Москве в 1809 г. за 5 р. В пометах, сделанных П. М. Ртищевым на этом сочинении, прекрасно отражается его мировоззрение. Прежде всего он отметил в тексте мысли, созвучные, видимо, его собственным взглядам: например, знак «NB» стоит около абзацев, где говорится, что свобода книгопечатания вредна для власти (с. 208), засилие во французском театре энциклопедистов приносит вред (с. 215) и при дворе расцветает распутство (с. 239). Наиболее ярко П. М. Ртищев выразил свои верноподданнические настроения в стихах собственного сочинения, помещенных им в конце книги:

Кто сию книгу со вниманьем прочитает,
Тот революции соучаствовать не пожелает.
И в истинной вере более утвердится;
А на Вольтера и Руссо будет сердиться.
Они и Францию своим софизмом заразили
И невинных своих сынов навеки поразили.

П. Р.

¹⁰ Болотов А. Т. Современник, или Записки для потомства. 1795 г. // Литературное наследство: XVIII век. М., 1933. № 9—10, с. 176.

¹¹ Государственный архив Тульской области (далее: ГАТО), ф. 738, оп. 1, д. 1, л. 62—63 об. — Опись не сохранилась.

В первой половине XIX в. усиленно расширялась сеть учебных заведений России, появились губернские библиотеки, типографии. Росло число просвещенных людей, количество частных библиотек. Тульский писатель-краевед И. Ф. Афремов привел в 1850 г. список тульских-библиофилов и любителей просвещения, состоящий из 189 имен.¹²

Богатейшее книжное собрание было в тульском имении основоположника славянофильства А. С. Хомякова в д. Богучарово. После Великой Октябрьской социалистической революции там был создан Богучаровский музей быта. В отчете музея о работе за 1920 г. подчеркивалось, что «особого внимания заслуживает библиотека, в большинстве своем иностранная, дающая по своему подбору редкую картину прогрессивного роста общественного самосознания начиная с XVIII века (вольтерьянство, Великая французская революция, масонство, западничество и славянофильство), беглый осмотр которой дает ясное представление о течениях русской мысли. . .».¹³ Библиотека собиралась родственниками А. С. Хомякова с середины XVIII в. и насчитывала более 8 тыс. книг и богатейший архив. Трагична судьба столь интересного книжного собрания, сыгравшего, видимо, значительную роль в формировании идей славянофильства.

В 1924 г. Богучаровский музей быта был ликвидирован, и все имущество вместе с библиотекой и архивом было доставлено в Тулу в Историко-художественный музей. В том же году имущество из имения Хомяковых было вывезено из Тулы в Москву в Российский Исторический музей. Из Тулы были отправлены также 8125 книг (77 тюков и мешков) и рукописный архив, «охватывающий в общей сложности три столетия (с конца XVII в.) и главнейшей своей частью характеризующий эпоху 40—50-х годов прошедшего века». Часть книг по пути затерялась, и Российский Исторический музей получил только 7401 том.¹⁴ Книги Хомяковых попали не в основной музейный фонд, куда были отнесены мебель и архивные документы, а в библиотеку музея, где богатейшее книжное собрание Хомяковых было разобчено, в связи с чем не осталось даже его описи. Однако библиотеку Хомяковых ждало еще одно испытание, приведшее к ее полному распылению. В 1938 г. все книги из библиотеки Исторического музея передаются вновь организованной в Москве Государственной Публичной исторической библиотеке РСФСР (далее — ГПИБ). Выявить среди огромного книжного фонда ГПИБ книги из собрания Хомяковых теперь практически невозможно.

Из 7 тыс. книг удалось пока обнаружить только 6 книг (ОИИ ГПИБ). Пять из них принадлежали прадеду А. С. Хомякова Федору Степановичу, владельцу имения в д. Богучарово. Это «Российская грамматика» М. Ломоносова (СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1755), купленная им в Москве в 1758 г. за 80 коп., две части «Детской фило-

¹² Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. Прибав. С. 54—68.

¹³ ТОКМ, арх., д. 107, 1920 г., л. 39 об.

¹⁴ Там же, д. 91, Отчеты Богучаровского музея, 1923—1925 гг., л. 3 об.—4, 33, 37, 62 об.

софии» А. Т. Болотова (М., 1776), приобретенные в 1778 г., и два тома «Всемирного путешественника» де Ла Порта (СПб., 1779. Т. 2; 1780. Т. 5), купленные в 1779 и 1780 гг. Все книги снабжены владельческими надписями («Лейб Гвардии капитана Порутчика Федора Степанова сына Хомякова. . .») с указанием даты, места покупки (во всех случаях — Москва), цены книги, а также, видимо, порядкового номера тома в его собрании (№ 139, 221 и 224). Одна из найденных книг принадлежала сестре славянофила А. С. Хомяковой (*Landon L. E. Heath's Book of Beauty. London, 1833 // ГПИБ, К 72 7/6*).

В книгохранилищах Тульской области удалось обнаружить несколько книг из собрания Хомяковых, относящихся, видимо, к книгам, затерявшимся при перевозке из Тулы в Москву. Некоторые из них принадлежали родственнику Алексея Степановича — И. В. Хомякову. И. В. Хомяков был близким другом А. Т. Болотова, часто бывал у него в гостях, принимал участие в болотовских музыкальных и театральных вечерах, слыл добрым и умным человеком.¹⁵ Имел личную библиотеку. В ней были издание Н. Новикова «Золотые часы государей» (М., 1780. Ч. 6. // ТОбЛ, 2724), немецкая сатирическая повесть «Зиншехль во Франции, или Судьба одного индейца» (М., 1793. Ч. 1 // ТОбЛ, 2176), «Жизнь княжны Изабеллы, Королевы Андрапурской» (пер. с нем. М., 1793. Ч. 1 и 2 // ТОбЛ, 2734), «Велисарий» Ж. Ф. Мармонтеля (СПб., 1769 // ТОбЛ, 2788), «Разговоры о множестве миров» Б. Фонтенеля (СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1761 // ТОбЛ, 3054), «Философ аглинской, или Житие Клевланда» А. Ф. Прево (СПб., 1791. Т. 3 и 9 // ТОбЛ 3204, 3205), романы Ф. Г. Дюкре-Дюминила «Алексис, или Домик в лесу» (М., 1794. Ч. 3 и 4 // ТОбЛ, 3474), «Вечерние беседы в хижине» (М., 1799. Ч. 3 // ТОбЛ, 3473), «Яшенька и Жеоржетта» (М., 1796. Ч. 1 и 2 // ТОбЛ, 3475), роман С. Ли «Подземелье, или Матильда» (М., 1794. Т. 1 // ТОбЛ, 3489). На всех этих книгах имеются владельческие записи И. В. Хомякова. Ему же, вероятно, принадлежала «История Российская от древнейших времен» М. Щербатова, на 3-м, 4-м и 7-м томах «Истории» содержатся некоторые надписи хозяйственного характера, сделанные тем же почерком, что и владельческие надписи на других книгах И. В. Хомякова (СПб., 1774. Т. 3; 1781. Т. 4, ч. 1; 1790. Т. 7, ч. 1 // ТОбЛ, 2469, 2470, 2480). Дочери И. В. Хомякова Анне принадлежала книга «Краткое понятие о всех науках, для употребления юношеству» Ж. Формея (М., 1774 // ТОбЛ, 2468), а сыну Василию — 1-й том «Франко-Русского словаря» французского издания (ТОбЛ, 11766). Позже, в зрелом возрасте, капитан артиллерии В. И. Хомяков был известен в кругах тульского дворянства как библиофил.¹⁶ Основателю славянофильства А. С. Хомякову принадлежали два рукописных евангелия 1691 и 1636 гг. (ТОКМ, Еик 300 и 363).

Реконструкция состава библиотеки и круга чтения Хомяковых поможет не только глубже проникнуть в идейные истоки широкого

¹⁵ Болотов А. Т. Жизнь и приключения . . . Т. 3. С. 1076, 1128 и др.

¹⁶ Афремов И. Ф. Историческое обозрение . . . Прибав. С. 66.

направления общественной мысли 40—50-х гг. XIX в., но и раскрыть новые грани развития культуры Тульской губернии, так как известно, что усадьба Хомяковых в д. Богучарово играла роль одного из культурных центров губернии.

Интересные сведения сохранились о круге чтения небогатого тульского дворянина А. А. Авдеева. Юношеские годы А. А. Авдеев провел в Петербурге, обучаясь первоначально в юнкерской школе при Сенате, а затем служа чиновником 6-го департамента Сената.¹⁷ Пребывание в Петербурге не пропало даром, юноша рано приобрелся к передовой столичной культуре, стал постоянным посетителем театров и книжных лавок. Для историков русского театра небезынтересна будет тетрадь Авдеева «Театральные представления, виденные мною в Санкт-Петербурге».¹⁸ В период 1799—1800 гг. Авдеев чаще всего посещал Санкт-Петербургский каменный театр, познакомился с комедиями Вольтера, Мольера, Фонвизина, Сумарокова, Княжнина, Дегуша, Клушина, Аблесимова, Коцебу, итальянскими операми, балетами. Он усердно следил за литературными новинками как на русском, так и на иностранных языках (знал французский и немецкий), вел записи, которые дают нам возможность реконструировать круг чтения А. А. Авдеева в эти годы.¹⁹

Увлечение театром привело к тому, что Авдеев приобрел все имеющиеся в продаже сочинения Я. Княжнина: либретто оперы «Несчастье от кареты» (СПб., 1779), «Скупой», «Притворно сумасшедшая»; «Сбитенщик» (СПб., 1790); комедии «Хвастун» (СПб., 1786), «Неудачный примиритель, или Без обеда домой приеду», «Чудаки» (СПб., 1793), «Орфей и Эвридика»; трагедии «Дидона», «Титово милосердие», «Рослав», «Владисан», «Владимир и Ярополк», «Софонизба», а также «Мелкие сочинения в стихах и прозе», вошедшие в «Собрание сочинений Якова Княжнина» (СПб., 1787. Т. 1—4). Из русских авторов А. А. Авдеев купил также сочинение Г. Р. Державина «Переход из Швейцарии через Альпийские горы российских императорских войск под предводительством генералиссима, 1799 года» (СПб., 1800) и оды С. В. Руссова.

Гораздо интереснее перечень иностранных сочинений, купленных Авдеевым. Здесь и роман Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», и «Новые сказки Флориана» (Париж, 1792) на французском языке, и «Велисарий» Ж. Ф. Мармонтеля (СПб., 1796) на русском языке; из немецких авторов Авдеев имел перевод шиллеровских «Разбойников» (М., 1793), а также сочинения швейцарского врача С. Геснера: «Златой век Дафниса» (М., 1788), «Первобытный мореплаватель» (М., 1784), «Авелева смерть» (М., 1780), «Ночь» (СПб., 1777). Была у Авдеева и «Новая Астрея» О. д'Юрфе (М., 1789), ошибочно приписываемая Геснеру. К имеющимся у него сочинениям С. Геснера Авдеев причисляет и «Лауру, или Поцелуй в своих действиях» (М., 1794), сочиненную А. Г. Геснером (псевдоним А. Г. Мельцера). С сочинени-

¹⁷ ГАТО, ф. 115, оп. 1, д. 47.

¹⁸ Там же, д. 7, л. 1—10.

¹⁹ Там же, л. 11—18.

ями Руссо, Монтескье, Саллюстия, Цицерона и др. Авдеев был знаком по «Пантеону иностранной словесности» Н. Карамзина (М., 1798).

В 1807 г. Авдеев, страдающий «расслаблением в груди», подал в отставку и, получив чин коллежского асессора, покинул Петербург. Вся дальнейшая его жизнь протекала в деревне, в родовом имении в д. Филиновой Зушице Новосильского уезда Тульской губернии. Проживая в деревенской глуши, Авдеев развлекал себя сочинительством. Писал стихи, сочинил рассуждение «О свободе ума, совести и чувствительности» (на бумаге рукописи — «белая дата» «1821»).²⁰ И хотя Авдеев был совершенно лишен литературного таланта, его произведения могут быть интересны как отражение мировоззрения и психологии небогатого провинциального дворянина. В своих литературных набросках автор полемизирует с Локком, пишет пародии на сочинения Вольтера, делает выписки из «Сочинений и переводов Ивана Дмитриева» (М., 1803. Т. 1, 2).

В деревне Авдеев, видимо, продолжал пополнять свою библиотеку. Интересна сделанная им в это время «Роспись Российским, Французским. . . книгам».²¹ «Роспись» составлена в алфавитном порядке названий и обрывается на букве «П» (следующие листы утрачены), написана по-русски и содержит только русские издания с указанием их цены. Значительную часть составляют книги по истории, «деяния», «анекдоты», изданные в основном Академией наук и Типографической компанией Н. Новикова: это «Сибирская история» И. Э. Фишера (СПб., 1774), «Анекдоты о императоре Петре Великом» Я. Штелина (М., 1788), «История о Америке» У. Робертсона (СПб., 1784), «Жизнь и ужасные деяния римского императора Нерона» в переводе с французского Т. Можайского (СПб., 1792), «Анекдоты, или Достопамятнейшие исторические сокровенные деяния Оттоманского двора» М. де Гомеса (СПб., 1787. Т. 1, 2), «Достопамятные сказания и деяния, изъясняющие свойство Фридриха Второго» (СПб., 1786—1793. Ч. 1—12), «Любопытное открытие города Геркулана» (СПб., 1789) и «Анекдоты Китайские, Японские, Сиамские, Тонквинские и пр.» (СПб., б. г. Т. 1, 2).

Интересовался Авдеев и точными науками. Ему принадлежали «Алгебра новая, содержащая в себе не только простую аналитику, но также и дифференциальное, интегральное и вариационное изчисление» (Вейдлера?), изданная А. Барсовым (М., 1797), а также сочинения И. Лема «Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре» (СПб., 1792—1794), он приобрел три части с 27 таблицами за 3 р. 50 к., а также ч. 3-ю отдельно с 22 таблицами за 2 р. 80 к. В архиве Авдеева имеется тетрадь с его записями «О механике» и «Рассуждения „Плотничество, Архитектура, Механика“» с чертежами геометрических фигур и рисунками устройства занавеса

²⁰ Там же, д. 1, л. 188.

²¹ Там же, д. 7, л. 19—20 об. — К сожалению, у тетрадки не сохранился правый верхний угол, поэтому точное время составления «Росписи» и ее название неизвестны.

(видимо, он имел домашний театр), выписками из трактата по медицине «Сокращенное описание употребления Гарлемских капель» Н. де К. Тилли (СПб., 1790).²²

Больше всего в «Росписи» перечислено переводных иностранных романов и повестей, что было вполне традиционно для круга чтения русского дворянства в XIX в. Укажем их в алфавитном порядке, как у Авдеева: «Английские письма, или История кавалера Грандисона» С. Ричардсона (СПб., 1793—1794. Ч. 1—8), «Английские письма, или Приключения госпожи Клевеландши» (СПб., 1790—1791. Ч. 1—2), «Английский философ, или Житие Клевеланда» А. Ф. Прево (СПб., 1791. Т. 1—9), «Адельсон и Сальвини, английская повесть» д'Арно (М., 1779), «Алкивиад» А. Г. Мейснера (СПб., 1794—1802. Ч. 1), «Алхимист без маски» Гилбоа (М., 1789), «Аспазия, английская повесть» (М., 1792. Ч. 1—2), «Дух Бюффона» Ферри (М., 1783), «Дух Гельвеция» (Тамбов, 1788), «Зелия в пустыне» М. Добантон (СПб., 1791. Т. 1—2), «Луиза, или Хижина среди мхов» Э. Хелм (М., 1790. Ч. 1—2), «Новые новости» (СПб., 1792) и «Нума Помпилий» Ж. Флориана (СПб., 1788. Ч. 1—2).

Из античных авторов у Авдеева были только стихи Анакреона Тийского в переводе Н. А. Львова (СПб., 1794. Кн. 1—3), из драматургии — комедия Коцебу «Жертва смерти». Русская проза представлена в «Росписи» всего лишь романом М. М. Хераскова «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (М., 1794. Ч. 1—3). В собрании Авдеева был англо-русский словарь (СПб., 1784), «Ал Коран Магомедов» в переводе А. Колмакова (СПб., 1792. Ч. 1—2). Интерес Авдеева к юриспруденции виден по его выпискам из энциклопедии.²³ Таким образом, перед нами книжное собрание, характеризующее его владельца как человека разносторонних интересов.

Раскрыть мировоззрение прогрессивно мыслящего читателя поможет нам реконструкция книжного собрания С. Н. Бегичева, члена Союза благоденствия, близкого друга А. С. Грибоедова. Поселившись в 1823 г. в своем имении, в с. Екатерининском Епифанского уезда Тульской губернии, Бегичев продолжал поддерживать с декабристами тесную связь, был посвящен в их планы, разделял их убеждения. Е. И. Раевская, его соседка по имению, писала: «Он был гораздо образованнее прочих епифанских старожил, имел большую библиотеку, много читал».²⁴ К сожалению, опись библиотеки Бегичева не сохранилась. В воспоминаниях о Грибоедове Бегичев сообщал: «Из иностранной литературы я знал только французскую, и в творениях Корнеля, Расина и Мольера я видел верх совершенства. Но Грибоедов. . . первый познакомил меня с „Фаустом“ Гете и тогда уже знал почти наизусть Шиллера, Гете и Шекспира. Все творения этих гениальных поэтов я прочел после во французском переводе».²⁵

²² Там же, д. 197.

²³ Там же, д. 196.

²⁴ Раевская (Бибикова) Е. И. Епифановского уезда столпы-старожилы 1830-х годов: Рукопись // Отдел рукописей Гос. лит. музея, ОФ 2893, с. 16.

²⁵ Бегичев С. Н. Записка об А. С. Грибоедове // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1928. С. 9.

Из переписки с Грибоедовым видно, что Бегичев хорошо знал произведения Реньяра, Пуквиля, Плутарха, М. Н. Загоскина, И. И. Голикова, Д. В. Давыдова, читал журналы «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Телеграф». Родной брат Степана Никитича, известный в свое время автор Д. Н. Бегичев подарил ему два экземпляра своего сочинения «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (М., 1851. Вып. 1 // ТОБЛ, 1978, 1979). Из исторических сочинений в библиотеке С. Н. Бегичева была «История государственования Карла V» У. Робертсона (М., 1839), «История русского народа» Н. А. Полевого (М., 1829—1833) и «История государства Российского» Н. М. Карамзина (СПб., 1816—1829 // ТОБЛ, 2198—2201, 2207—2212). В сохранившихся 10 томах карамзинской истории содержится более 450 маргиналий и помет Бегичева, характеризующих его как человека передовых взглядов, близких по духу взглядам декабристов, сторонника демократических форм правления.²⁶

Мы рассмотрели известные сведения о четырех дворянских книжных собраниях: собраниях рода Ртищевых, Хомяковых — крупных землевладельцев, А. А. Авдеева — небогатого мелкопоместного дворянина и С. Н. Бегичева — декабриста. Даже тот небольшой материал, которым мы располагаем, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, во всех четырех собраниях преобладает переводная иностранная литература, что было характерно для круга чтения в дворянской среде всей России. Любопытно, что во всех собраниях находятся сочинения французских просветителей, но владельческие записи П. М. Ртищева отражают отношение к просветительству и революциям крупной аристократии, а «Рассуждения» Авдеева, где он говорит о равенстве всех людей, о врожденной свободе человека, показывают, что мелкое дворянство было более склонно к передовым идеям.

Во-вторых, наличие исторических сочинений в книжных собраниях говорит о том, что в среде дворянства Тульской губернии, как и дворянства всей России, в конце XVIII—первой половине XIX в. был заметен повышенный интерес к истории своей страны и к историческим судьбам других народов.

В-третьих, большую часть всех обнаруженных книг представляют издания Н. Новикова, или Академии наук, что подтверждает известные данные об их широкой деятельности по распространению книг в провинции.

В-четвертых, владельческие записи на книгах говорят о том, что книжная торговля в Тульской губернии была еще очень слабо развита, хотя в первой половине XIX в. она испытала некоторое оживление. Нет ни одной записи о покупке книги в Туле, основные книжные рынки для туляков находились в Москве и Петербурге.

Общность читательских интересов тульских дворян и дворян других районов страны, а также общность книжных рынков позво-

²⁶ Глаголева О. Е. Книги с пометами декабриста С. Н. Бегичева в Туле // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 217—226.

ляют сделать вывод о культурном единстве России, хотя следует оговориться, что культурная жизнь русской провинции отличалась некоторым своеобразием: в провинции культура охватывала более узкий круг людей и в известном смысле хронологически «отставала» от культурной жизни столиц.

Как видно из изложенного выше, книга получила широкое распространение в среде тульского дворянства. Другие сословия в большинстве своем были неграмотны и мало интересовались книжной продукцией. Лишь среди купечества и некоторой части городского населения встречались обладатели небольших домашних библиотек. Нам удалось обнаружить пока лишь несколько книг, принадлежавших представителям недворянских сословий. Тульский купец А. И. Пироанников в 1774 г. купил в Москве книгу «Святого священномученика Игнатия Богоносца Епископа Антиохийского Послания» (М., 1772. // ТОКМ Еик, 2577). Другому тульскому купцу, И. Духонину, принадлежала книга «Начальные основания французской истории» К. Милло (СПб., 1788. Т. 2 // ТОБЛ, 2798). Купец И. Герасимов имел, вероятно, уже небольшую библиотечку: сохранились принадлежавшие ему «Указы. . . Петра Великого» (СПб., 1739 // ТОБЛ, 2544) и 14 томов (по два тома переплетены вместе) «Римской истории» Ш. Роллена (СПб., 1761—1765. Т. 1—14 // ТОБЛ, 2872, 2873, 2876—2879).

Представители купеческого сословия Тульской губернии нередко были подписчиками периодических и других изданий. На журнал Н. Новикова «Утренний свет» в Туле подписались купцы А. Поддельщиков, И. В. Ливенцов, Г. И. Попов, И. И. Пастухов, Н. Г. Меховников, купец и городского магистрата бургомистр С. А. Солодовников; в Елифани подписчиками и распространителями журнала были купцы И. Е. и Ф. И. Бородины.²⁷ А. Поддельщиков был также подписчиком журнала «Санкт-Петербургский вестник» (за 1778 г.).²⁸ А белевский купец А. Г. Селин в 1804 г. получал журнал «Друг просвещения».²⁹ На «Журнал Министерства внутренних дел» в 1835 г. подписалось несколько белевских купцов: А. Прохоров, М. И. Сорочкин и купеческая вдова М. А. Сорокина.³⁰ Среди подписчиков на «Историю русского народа» Н. Полевого были тульский мещанин С. И. Титов, торговавший книгами в Туле почти столетия, купец А. И. Масков и мещанин П. Д. Коробков.³¹

Тульский мещанин А. А. Авчинников купил для своего сына в 1820-х гг. в Петербурге на толкучем рынке «Древнюю российскую историю» М. Ломоносова (СПб., 1766 // ТОБЛ, 2280) и снабдил ее подробными наставлениями на форзацах о том, как подобает себя вести и что надо знать в жизни. Сопровождая свои мысли цитатами из Священного писания, отец предостерегает сына от пустых разгово-

²⁷ Утренний свет. 1778. Ч. II. Янв. С. III; ч. III. Авг. С. VII, 392; ч. IV. Ноябрь. С. IV; 1779. Ч. V. Март. С. VI.

²⁸ Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. С. 505.

²⁹ Друг просвещения. 1804. Ч. 2. Июнь.

³⁰ ГАТО, ф. 90, оп. 1, т. 17, д. 13589, л. 49.

³¹ Полевой Н. А. История русского народа. М., 1829—1833. Т. 1—4. Прил.

ров, соблазнов, учит делать добро, терпеливо переносить жизненные перемены, не осуждать ближних, слушаться учителей и родителей. Особенно любопытна «История некоторого царя Синьского» о том, как царь пожелал стать бессмертным, а умный друг его предотвратил это «безумие». Записки тульского мещанина замечательно отражают его психологию, понятия о нравственности, взгляды на проблемы воспитания.

Находки книг, принадлежавших крестьянам, крайне редки. Нам удалось обнаружить только одно упоминание о такой книге.³² Это «Пустынный на горе, или Приключения маркизы Лаузанн и графа Луция» Лепилер д'Аплинья (СПб., 1787) с владельческой надписью: «Сия книга принадлежит крестьянину Гавриле Афанасьеву Крылову Тульской губернии Каширского уезда Богатицевской волости села Яковского бывшой дворовой человек Гаврилу Крылову».

Рассмотрение частных книжных собраний представителей различных социальных слоев Тульской губернии позволяет говорить об этих собраниях как о своеобразном историческом источнике и о прогрессе в области культуры на протяжении второй половины XVIII—первой половины XIX в. Однако этот прогресс касался в основном лишь небольшой части населения — дворянства — и почти не затрагивал податные сословия общества.

Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

**ОТЧЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА
ЦАРСКОЙ РОССИИ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(1869—1906 гг.)**

Среди источников по истории внутренней политики царизма XIX—начала XX в. одно из главных мест принадлежит несомненно архивным материалам Государственного совета. Такое значение названных материалов определяется тем, что Совет являлся высшим законосовещательным учреждением дореволюционной России и все законодательные акты (точнее — громадное их большинство) подлежали обсуждению в нем перед утверждением царем. Естественно, что к архивным фондам Государственного совета постоянно обращается множество исследователей. При этом, однако, вне внимания большинства их остаются весьма обстоятельные ежегодные отчеты Совета, с 1869 г. печатавшиеся типографским способом. Отчасти невнимание к отчетам объясняется благополучным состоянием архивных фондов Государственного совета¹ и неверно понимаемой

³² *Благовещенская Е. В.* Надписи крестьян и дворовых XVIII—XIX вв. на книгах // *История СССР.* 1965. № 1. С. 141.

¹ Канцелярия Совета (Государственная канцелярия) имела прекрасно налаженное делопроизводство, все документальные материалы хорошо сохранились,